

Узоры, что переписывают МИР

Rina Lily

Rina Lily

Узоры, что переписывают мир

«Автор»

2026

Lily R.

Узоры, что переписывают мир / R. Lily — «Автор», 2026

В академии Нивеи лёд не просто замерзает — он рисует. И эти рисунки начинают преследовать Найю: узоры, которые никто больше не видит, видения порта, стёртого из истории, и слова, которых она никогда не учила, сами срываются с её губ. Постепенно Найя понимает: магия, просыпающаяся в ней, не аквалорская. Это древняя сила Кристалии — прекрасная, завораживающая и смертельно опасная. Тот, кто когда-то спрятал Найю и стёр её память, теперь готов открыть ей правду. Но у Совета Семи Королевств свои планы на последнюю наследницу Кристалии. Пока друзья пытаются защитить её, а враги подбираются всё ближе, Найя должна разгадать язык узоров, найти ключ к искажённой реальности и решить, станет ли она оружием прошлого или надеждой для будущего.

© Lily R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Дочь герцога.	7
Глава 2. Перелив.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Rina Lily

Узоры, что переписывают мир

Пролог.

Три тысячи лет назад.

Семь факелов горели в Зале Совета, и каждый из них был не огнем, а живой сутью. Дельфин плавно скользил в столбе воды, не проливая ни капли. Феникс полыхал, не сгорая. Олень замер в венце из живых листьев, чьи корни уходили прямо в каменный пол. Небесный дракон обвивал колонну света, а змея оставляла на мраморе след ядовитого мерцания. Птица грома била крыльями, высекая искры. И последняя — девятихвостый лис, сотканный из чистого кристалла, чьи хвосты переливались всеми цветами, доступными человеческому глазу.

Семь постаментов. Семь богов. Один совет, призванный решить судьбу мира. А решил судьбу одного из них.

Селария стояла у своего постамент. Её фамилляр — кристаллический лис — светился так ярко, что остальные факелы казались тусклыми искрами. Она знала это. Знала, что её сила — не в ярости и не в клинках, а в самой сути мироздания. Вода — это кристалл в потоке. Огонь — кристалл в движении. Ветер — кристалл в полете. Земля — кристалл в покое. Молния — кристалл в разряде. Тьма — кристалл в тени. Все стихии были лишь гранями одного камня, и она видела их все.

Она видела слишком много. Это и стало её преступлением.

— Селария, — произнес Лирон. Его голос был гладким, как лед, которым он повелевал. — Ты слишком сильна. Один человек, владеющий всеми стихиями — это угроза балансу.

Селария не отвела взгляда. Она стояла прямо, и её волосы — сегодня цвета заката, моря и леса — обрамляли лицо, на котором не было страха. Только усталость и горечь.

— Я не угроза, Лирон. Я — равная вам.

— Равная? — Пирон шагнул вперед, и воздух вокруг него задрожал от жара. Его медно-рыжие волосы напоминали угли, а янтарные глаза полыхали. — Ты — первая среди нас, и это несправедливо. Народ зовет тебя Спасительницей. Светлой Королевой. А нас? Нас зовут богами — и боятся. Тебя же — любят.

— Я не просила любви, — тихо ответила Селария. — Я просила лишь мира.

— Мира? — Ноксис выступил из тени, и его голос сочился ядом. Его черные волосы, казалось, поглощали свет, а багровые глаза отражали его, как две кровоточащие раны. — Мира, который ты построила на своей магии? Кристаллические дороги, стены, каждый камень в каждом королевстве несет твой отпечаток. Ты не строила мир, Селария. Ты плела паутину, в которой мы все — лишь мухи.

Селария посмотрела на него, и в её разноцветных глазах мелькнула жалость. Ноксис отвел взгляд.

— Сильванор, — позвала она, и её голос впервые дрогнул. — Тонтор. Скажите им.

Двое богов шагнули вперед. Сильванор — бог леса, с лицом, словно вырезанным из старого дуба, и изумрудными глазами. Тонтор — бог молний, с золотисто-белыми волосами и вечно полыхающим электрическим взором. Они встали по обе стороны от Селарии, и их фамилляры — олень и птица грома — склонили головы перед кристальным лисом.

— Она права, — голос Сильванора звучал как шелест листвы и гул корней. — Мы видели записи. Кристаллическая магия не подчиняет. Она структурирует. Это не цепь, а каркас. Без него мир рассыплется.

— Красивые слова, — процедил Лирон. — Но я видел, на что она способна. Она может всё. А значит, она может и уничтожить всё. Разве это не угроза?

— Это свобода, — отрезал Тонтор, и в его глазах сверкнула молния. — Свобода, которой вы боитесь, потому что никогда не знали её вкуса.

Лирон долго молчал. Затем медленно поднял руку — словно нехотя, словно жалея о том, что должно произойти. Но не опустил её.

— Жаль, — сказал он.

И всё изменилось.

Сильванор пал первым. Удар был нанесен не водой и не льдом. Лирон использовал то, чему научился у самой Селарии: кристаллическую структуру, вплетенную в поток воды. Это стало лезвием, которое прошло сквозь защитную магию леса, как раскаленная игла сквозь тончайший шелк. Сильванор даже не успел вскрикнуть. Его олень взревел — и рассыпался мириадами сухих листьев, которые в тот же миг почернели и истлели.

Тонтор бросился на Лирона — молния против воды, ярость против холода. Он был быстрее, он был сильнее в чистом бою, и воздух в Зале Совета уже начал плавиться от электрического напряжения. Но Пирон ударил с тыла. Столб пламени, направленный не в тело, а в самую суть, в сердцевину, где молния встречается с эфиром.

Тонтор застыл. Его золотистые волосы на мгновение вспыхнули ослепительно-белым, а затем погасли, превратившись в пепел. Птица грома издала пронзительный, рвущий душу крик и рассыпалась искрами, которые тут же поглотила тьма Ноксиса.

Селария осталась одна.

Она видела, как её союзники — те, кто понимал истинный порядок вещей — исчезали, словно черновики, которые автор решил вычеркнуть из истории. Она не стала защищаться. Она видела, как Лирон, Пирон и Ноксис медленно приближаются, их лица исказились от смеси триумфа и первобытного ужаса перед тем, что они только что совершили.

— Вы думаете, что убили меня? — её голос прозвучал странно спокойно, отражаясь от стен Зала, как эхо в пустой пещере. — Вы убили тех, кто держал этот мир в равновесии. Вы разрушили каркас.

— Мы создадим новый, — выдохнул Лирон, хотя его руки дрожали. — Без твоей паутины.

Селария посмотрела на своего лиса. Кристалл начал тускнеть, теряя цвета, становясь прозрачным, как слеза. Она знала, что произойдет дальше. Без её воли, удерживающей стихии в структуре, мир начнет распадаться на хаотичные потоки.

— Вы не создадите ничего, — прошептала она, и в её глазах, лишенных теперь всякого цвета, отразилась пустота. — Вы просто станете первыми, кто утонет в осколках.

Она закрыла глаза. Кристаллический лис рассыпался на тысячи острых игл, которые вонзились в пол, в стены, в самую ткань реальности. Зал Совета содрогнулся. Семь факелов погасли одновременно, и тьма, абсолютная и холодная, поглотила богов, их амбиции и саму память о том, что произошло три тысячи лет назад.

Мир не погиб. Он просто забыл, как быть целым.

Глава 1. Дочь герцога.

Найя проснулась от шума прибоя. Это был не просто гул — море у побережья поместья дель Аквалоров не гудело, а дышало: глубокий, мерный вдох, выдох, шорох гальки, тишина, и снова вдох. В детстве Найя представляла, что море — это огромное существо, которое спит за мысом и видит сны. В этих снах, как она тогда думала, плавали рыбы без чешуи и корабли без мачт, а всё вокруг заливал синий свет, поднимающийся из самой глубины. Она рассказала об этом матери, и Изолда лишь тепло, без тени злобы, рассмеялась: «У тебя воображение поэта. Но не забудь про уроки».

Найя не забывала. Она никогда не забывала уроки. Только не помнила, когда именно они начались — как не помнила ничего, что было до пяти лет.

Она лежала в просторной постели под балдахин из бледно-голубого шелка, привезенного матерью из столицы три года назад, и наблюдала, как утренний свет пробивается сквозь ставни. Свет был водянистым, «аквалорским»: не золотым, как в южных королевствах, а серебристым, словно солнце пропустили сквозь толщу воды. Деревянные ставни были приоткрыты — Найя всегда оставляла их так, не в силах заснуть без рокота моря.

Для дочери герцога комната была небольшой. Кровать, стол с зеркалом, книжный шкаф на три тесно заставленные полки — Найя читала всё подряд и не умела расставаться с книгами. На стене висел герб дома дель Аквалоров: дельфин в кольце воды, вышитый на темно-синем бархате. Он был здесь с тех пор, как она себя помнила, и привыкание к нему было таким же естественным, как к морю или ставням. Но порой, крайне редко, взгляд Найи задерживался на дельфине, вызывая странное чувство: не узнавание, а скорее тоску. Будто дельфин — это кто-то близкий, кого она потеряла и никак не может вспомнить.

Она села на краю постели, опустив ноги на теплый деревянный пол. Наступила ранняя осень — в Аквалоре это означало легкие утренние заморозки, туман над каналами и лед на краях прудов, который таял к полудню. Найя подошла к окну и распахнула ставни.

Сад поместья дель Аквалоров раскинулся террасами от холма к самому берегу. Осень еще держалась за свои права: цвели поздние розы, морозник и серебряный иней — местное растение, распускающееся только в морозы и имеющее ледяные, прозрачные лепестки. Кусты сияли в росе. Дальше тянулась ограда из белого камня, за которой гравийная дорожка вела к причалу, где мерно качалась лодка, а за причалом расстилался залив, скрытый утренним туманом, за которым открывалось бескрайнее море.

Найя вдохнула полной грудью. Воздух пах солью, водорослями и чем-то еще — холодным, чистым, безмянным, — что она ощущала только здесь, у воды. Иногда ей казалось: если бы можно было скрутить этот запах в свиток и носить с собой, она бы носила именно его. Запах дома.

— Найя! — донесся снизу голос. — Найя, ты опять оставила окно нараспашку!

Голос Изолды, её приемной матери, был теплым, с характерной утренней хрипотцой. Изолда вставала раньше всех: раньше слуг, мужа и самой Найи. Она объясняла это привычкой целительницы — «пациенты не ждут, пока ты выспишься», — но Найя подозревала: матери просто нравится тишина раннего утра, когда сад еще окутан влагой и никто ничего не требует.

— Я не нараспашку, я на щелочке! — крикнула Найя в ответ.

— В твоём исполнении это одно и то же! Спускайся, завтрак через двадцать минут. И не забудь: сегодня тренировка по заморозке.

Найя поморщилась. Заморозка. Урок, который она должна была обожать, ведь она была из Аквалора — королевства воды и льда, где управление холодом было базовым навыком любого мага. Но Найя не любила этот процесс. Не то чтобы не умела — она справлялась, лед получался, но он всегда был... неправильным. Слишком тонким, слишком плотным или, что

хуже всего, слишком красивым. Само понятие «слишком красивый лед» звучало как абсурд, и Найя не могла объяснить, что именно с ним не так.

Она умылась и оделась: простое серо-голубое платье, волосы собраны в хвост. Зеркало отразило знакомое лицо: светлая кожа с едва заметным перламутровым отливом — типичный аквалорский тип. Глубокие синие глаза, серебристо-голубые волосы, как у всех в роду дель Аквалоров. За исключением одной пряди. Пряди, которая сегодня отливала мягким розовым, напоминая утренний свет на инее.

Найя коснулась волоса. Он был таким же гладким, как остальные, но этот отсвет был не из этого мира. Она не знала, что это такое. Мать говорила: «Редкая мутация, бывает у водных магов». Найя читала об этом — не бывает. Не у водных. Но мать настаивала, и спорить не стоило.

Она спустилась.

Столовая поместья была длинной, с низким потолком и камином, в котором вместо огня горел магический свет — ровный и теплый. Изолда не любила открытый огонь: как целительница льда, она плохо переносила жар. Кассиан, приемный отец, молча кивнул ей, предпочитая слушать.

Герцог Кассиан дель Аквалор сидел во главе стола. Высокий, седой, с лицом, которое когда-то было просто красивым, а стало значительным — так говорят о людях, чья красота уступила место сильному характеру. Глубокие синие глаза, короткие волосы, уже почти белые. Большие, спокойные руки человека, владеющего водой четырнадцатой ступени, которому нет нужды в демонстрации силы. Он был военным советником короля — номинально, а фактически — стратегом и дипломатом, и, по мнению Найи, самым мудрым человеком в королевстве.

Рядом сидела Изолда — светловолосая, с тонкими чертами лица и мягкими руками целительницы. Она была белой паладинкой двенадцатой ступени, чьим магическим льдом можно было лечить: останавливать кровь и снимать жар. Но в домашней обстановке она была просто матерью: пекла хлеб (единственное, что она готовила без магии) и заботилась о семье.

— Доброе утро, — сказала Найя, присаживаясь.

— Доброе, — ответил Кассиан, не отрываясь от чашки. Он пил утренний отвар — горький, серый рецепт, привезенный из южной экспедиции двадцать лет назад. Найя пробовала его — невыносимая гадость.

— Ты опять не спала, — заметила Изолда, глядя на дочь с тем особым прищуром, который означал: «Я всё вижу». — Тёмные круги под глазами.

— Я спала. Просто окно...

— Окно, — повторила Изолда, и в её голосе смешались смирение, любовь и усталость от шестнадцатилетних споров.

В столовую вошел Леон.

Леон дель Аквалор, приемный старший брат, вошел так, как входил всегда: шумно и с чувством, что мир замер в ожидании его появления. Его рыжевато-серебристые волосы не были типичными для Аквалора, но Кассиан всегда говорил, что в роду дель Аквалоров были рыжие. Синие глаза Леона были ярче, почти фиалковые. Широкоплечий и загорелый — неестественно для водного королевства, ведь он тренировался на открытом солнце, утверждая, что паладин должен быть готов ко всему, включая погоду.

— Утро! — объявил он, плюхаясь на стул. — Найя, я слышал, у тебя сегодня заморозка. Хочешь, покажу фокус — заморожу воду в воздухе и разобью о твой лоб?

— Хочу, чтобы ты не дышал на меня завтраком, — отрезала Найя.

— Дети, — оборвал их Кассиан. Леон ухмыльнулся, а Найя спрятала улыбку в чашке.

Завтрак прошел в обычном ритме: Изолда рассказывала о делах поместья (течет крыша в северной пристройке, нужно обновить герметизацию), Кассиан внимал, Леон шутил. Обычное утро в обычной герцогской семье.

Но Найя заметила: отец смотрит на неё. Не привычно, с легкой теплотой, а пристально и долго. В его взгляде было что-то странное. Не тревога, а скорее тень — будто он видел не её, а кого-то другого, стоящего за её плечом.

— Отец? — спросила Найя.

Кассиан моргнул, и тень исчезла. Он улыбнулся — коротко и ровно.

— Ешь, — сказал он. — Сегодня важный день.

Найя нахмурилась. Какой важный день? В расписании ничего не значилось, кроме привычного урока с матерью и прогулки.

— Какой?

Кассиан не ответил. Он встал, положил салфетку на стол и вышел. Изолда посмотрела ему вслед, и на её лице замерла та же тень.

Найя не стала спрашивать. В доме дель Аквалоров существовало негласное правило: если тебе не отвечают, значит, ответ пока не для тебя.

После завтрака Изолда повела Найю в сад.

Тренировочная площадка располагалась у ограды: каменные столбы с чашами для воды, соломенные мишени и шесты с мокрой тканью. Изолда встала перед чашей, и вода в ней дрогнула — не от ветра, а от воли.

— Заморозь, — скомандовала она.

Найя сосредоточилась. Она протянула руку, чувствуя воду так же привычно, как ткань кончиками пальцев. Вода послушалась — не сразу, но температура начала стремительно падать.

Сформировался лед. Тонкий, прозрачный, с легким голубым оттенком. Обычный аква-лорский лед. Но Найя чувствовала: что-то не так. Как и всегда.

— Хорошо, — сказала Изолда, но в её голосе прозвучала привычная нота: «хорошо, но не то». — Теперь — сложная форма. Ледяной цветок.

Найя сосредоточилась. Лед потек из чаши, вырисовывая лепестки. Один, два, три — аккуратно, ровно. Но четвертый лепесток получился иным. Он был не голубым, а прозрачным — и не просто прозрачным, а преломляющим, как линза. На нем играл крошечный, едва заметный спектр.

Найя отдернула руку.

— Что? — Изолда подошла ближе.

— Ничего, — быстро ответила Найя. — Заново.

— Найя...

— Ничего, мама. Просто отвлеклась.

Изолда долго смотрела на неё, затем кивнула:

— Снова.

Найя повторила. На этот раз — без переливов, обычный и правильный. Мать кивнула, но Найя видела: она всё заметила. Она всегда всё замечала.

Тренировка длилась час. Ледяные стрелы, щиты, иглы для целительства — Найя выполняла всё безупречно, но всё равно получалось «не то».

— Ты о чем-то думаешь, — констатировала Изолда в конце.

— Нет, — ответила Найя и тут же добавила: — Мама, что за важный день?

Изолда замерла. На мгновение в её глазах отразилась борьба. Затем она улыбнулась той улыбкой, которая означала: «времени еще нет».

— Увидишь.

Найя вернулась в дом в раздражении. Она поднялась в свою комнату и уставилась в окно. Море продолжало дышать. Вдох, выдох. Туман над заливом рассеивался под лучами солнца.

Она посмотрела на свою руку. Кожа была обычной, с привычным перламутровым отливом. Но ощущение от прикосновения к «неправильному» льду осталось. Будто она коснулась чего-то знакомого, но бесконечно далекого, как обрывок сна.

«Не то», — подумала она.

Всё в её жизни было «не то» — на самой грани, так, что это замечала только она. Вода слушалась, но не так, как у других. Лёд получался, но не такой. Сны были, но они ускользали. Прошлые... до пяти лет оставалась лишь черная дыра. Первое воспоминание — замерзшее озеро, серое небо и руки отца, поднимающие её на свет. Ей было пять. До этого — пустота.

Она не спрашивала, потому что чувствовала: если копнуть слишком глубоко, то-то хрупкое, что удерживает их семью вместе, просто сломается. Это было интуитивное знание, которому она доверяла больше, чем словам.

Но сегодня всё было иначе. Отец смотрел на неё так, будто она — кто-то, кого скоро потеряют. Мать молчала, готовясь к важному разговору. А «важный день» висел в воздухе, как открытая дверь в неизвестность.

Найя встала и вышла из комнаты. Она найдет Леона. Он всегда знал больше, чем готов был показать.

Глава 2. Перелив.

Леон нашёлся на причале — там, где он был всегда. Он сидел на самом краю пирса, свесив ноги и бросая камешки в воду. Это была детская привычка, от которой он так и не смог избавиться. Каждый брошенный камень, прежде чем коснуться поверхности, покрывался тонкой ледяной коркой — магия откликалась на его движения даже тогда, когда он не пытался её контролировать. Вода за причалом была кристально чистой, и камни, пронзая толщу, мерцали голубым на песчаном дне.

— Леон, — позвала Найя, спускаясь по гравийной дорожке.

— О, — он обернулся. — Знаменитая заморозчица. Сколько мишеней? Сколько попаданий? Сколько случайных заморозок в адрес мамы?

— Три, три, ноль, — ответила Найя, садясь рядом. — Леон, что сегодня за день?

Он перестал бросать камни. Секунду он безучастно смотрел на воду, затем перевел взгляд на неё.

— Тебе лучше спросить у отца.

— Я спрашивала у отца. Он ответил: «Ешь». Я спрашивала у мамы. Она сказала: «Увидишь». Теперь я спрашиваю у тебя.

Леон вздохнул. Откинувшись назад и упершись ладонями в старые доски пирса, он уставился в небо. Аквалорское небо было бледно-голубым, усыпанным перистыми облаками, которые плыли лениво, словно ледяные льдины.

— Ладно, — произнес он. — Не я должен это объяснять, но... Ладно. Сегодня придет письмо.

— Письмо? От кого?

— Из столицы. Из Королевской академии Стихий.

Найя замерла. Академия. Она подала заявку еще весной по настоянию отца. Прошла предварительное тестирование: местный маг-экзаменатор ставил ей воду и лед, и результаты оказались... странными. Вода — посредственно, лед — слабо. И еще нечто, что экзаменатор не смог определить, лишь пожимая плечами: «неопределенный остаток». Найя тогда решила, что это ошибка прибора.

— Письмо о зачислении? — спросила она.

— Вероятно.

— Но отец... он ведь не хотел, чтобы я уезжала?

Леон помолчал, подбирая слова.

— Отец хочет, чтобы ты поехала. Считает, что ты обязана. Но мама...

— Мама не хочет?

— Мама боится.

Найя устремила взгляд на море. Вдох, выдох. Волна лениво накатывала на песок и отступала.

— Чего именно она боится? — тихо спросила она.

Леон промолчал. Он достал очередной камень, покатал его в пальцах, и тот мгновенно покрылся инеем — произвольно, как по команде.

— Найя, — наконец произнес он, — ты когда-нибудь замечала, что о тебе в нашей семье говорят слишком осторожно? Не как о герцогской дочери, а как о... — он запнулся, подбирая слово, — как о больной, которую нельзя расстраивать?

Найя кивнула. Она замечала это всю жизнь.

— Ты не больная, — отрезал Леон. — Ты... другая. Я не знаю, в чем разница. Отец знает. Мама знает. Но мне не сказали. Только приказали: «Береги её». И я берег. Всегда.

Найя ощутила странное тепло — не от солнца, а от его слов. Леон был ей не кровным братом, но стал ближе, чем родной. Он был рядом с самого первого воспоминания: замерзшее озеро и кто-то маленький, с рыжевато-серебристыми волосами, крепко держащий её за руку. Ему было три. Он держал и не отпускал.

— Ты берег меня, — прошептала она. — Но от чего?

Леон посмотрел на нее серьезно, без привычной ухмылки. Его фиалковые глаза были полны тревоги брата, который любит сестру, но не может защитить её от того, чего не видит.

— Не знаю, — ответил он. — Но я это чувствую. Как и ты. Что-то происходит. И оно... оно уже близко.

После обеда Найя вернулась в свою комнату. Она подошла к окну, села за туалетный столик и взяла расческу. Расчесывание волос было ее утренним ритуалом, который она совершала дважды: быстро — перед завтраком, и медленно, вдумчиво — после обеда. Это было ее время, когда ее никто не тревожил.

Серебристо-голубые пряди плавно ложились на плечи. Расческа скользила по гладким волосам привычно и ровно. Но сегодня Найя сразу заметила неладное: одна прядь изменилась. Вчера она отливала зеленым, а сегодня стала розовой — мягкой, словно отсвет заката на снегу.

Она отделила локон и подняла его к свету. Волосы казались теплыми на ощупь — или ей это просто померещилось. Цвет переливался: розовый переходил в персиковый, тот — в золотистый, а затем в едва заметный голубой. Слово кто-то вплет в одну прядь все краски закатного неба.

Она коснулась локона пальцами. Цвет менялся от прикосновения — не радикально, но ощутимо, будто внутри волоса пульсировала жидкость, преломляющая свет.

— Ты единственная в Аквалоре, у кого в волосах живет радуга, — раздался голос от двери.

Леон стоял в проеме, прислонившись к косяку. Он улыбался своей фирменной улыбкой — той самой, что означала: «я подшучиваю, но я на твоей стороне».

— И ты обязательно должен врываться без стука? — спросила Найя.

— Я постучал. Ты не услышала — слишком увлеклась своей радугой.

— Это не радуга. Это... — Найя не находила слов. — Мутация.

— Мутация, — с иронией повторил Леон. — Конечно. Мутация, которая меняет цвет каждый день. Мутация, реагирующая на свет. Мутация, которой нет ни у кого в королевстве. Настоящая аномалия.

Найя молчала. Она знала, что он прав, и он знал, что она знает. Но оба предпочитали делать вид, что ничего не происходит.

— Мать говорила, что это бывает у водных магов, — наконец произнесла она.

— Мать говорит многое, — ответил Леон. — Мать — святая. Она целительница, белая паладинка. Она умеет лечить. Но умеет ли она лгать?

Он сделал паузу.

— Нет. Не умеет. Она просто... не договаривает. А это гораздо хуже лжи.

Найя опустила прядь. Цвет почти исчез, став едва различимым, если очень внимательно смотреть.

— Леон, — тихо сказала она, — ты думаешь, я не из Аквалора?

Леон долго смотрел на нее, а затем произнес:

— Я думаю, что ты — моя сестра. Какой бы ты ни была.

Он ушел, оставив ее одну. Найя смотрела в зеркало. Лицо было привычным, но за ним, в глубине глаз, промелькнуло нечто чужое. То, что переливалось, подобно той странной пряди. Что-то, чего не должно быть в Аквалоре.

Внизу, в кабинете, шепотом говорили Изолда и Кассиан. Найя не слышала слов, только интонации. Голос матери — высокий, надломленный; голос отца — низкий, тяжелый. Она не подслушивала намеренно, но обрывки фраз просочились сквозь дверь.

—...если она уедет...

—...мы не сможем прятать её вечно...

Найя замерла, прижавшись спиной к стене. Сердце бешено заколотилось.

— Они смогут ее найти, — в голосе Изолды звучал первобытный страх — страх матери за своего ребенка.

— Если она останется, — ответил Кассиан, — они найдут ее здесь. Аквалор — их королевство. Лирон видит всё, что происходит в воде. И рано или поздно он увидит ее.

— Но в столице... там Академия. Там Маркус. Там люди Совета.

— Именно. В Академии сотни студентов и тысячи аффинностей. Ее аномалия затеряется в этой толпе. А здесь она — единственная аномалия на сотню миль.

Найя не слышала ответа, но услышала сдавленный, тихий плач матери. Тот самый плач, когда понимают: спасения нет.

Девушка вернулась в свою комнату и опустилась на кровать. В голове набатом стучали слова: «Смогут найти», «Не сможем прятать», «Ее аномалия».

Кто «они»? Что за аномалия? Почему ее нужно прятать?

Ответа не было. Было лишь одно предчувствие: привычная жизнь закончилась. Она оборвалась сегодня — вместе с письмом, которое еще не пришло, но уже изменило всё.

За окном дышало море. Волна, вдох, выдох. А на плече Найи лежала прядь, светясь нежным розовым цветом заходящего солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.